

О ПОДЛИННОМ И МНИМОМ НОВАТОРСТВЕ В ИСКУССТВЕ

В НОВОЙ Программе Коммунистической партии Советского Союза нет ни одной страницы, которая не трогала бы самых сокровенных струн сердца: перед нашим взором открываются такие перспективы, которых еще не знало человечество, — мы идем в коммунизм!

Нет сомнения, что в области искусства мы стоим накануне нового небывалого расцвета.

Наше искусство должно стать самым передовым не только по своему содержанию, но и по своим художественным достоинствам. Поиски новых средств художественной выразительности, новых форм приобретают сейчас все большее значение.

Нет нужды доказывать, что подлинное произведение искусства никогда не бывает стандартным. Оно всегда неповторимо. В этом и заключается основное отличие искусства от ремесла, пусть даже самого высокого.

В силу этого обстоятельства каждый художник, писатель, композитор по природе своей новатор.

Мы можем вспомнить художников Ренессанса, передвижников, композиторов «Могучей кучки», великих писателей прошлого и настоящего. Все они — Рембрандт и Рубенс, Бетховен и Чайковский, Толстой и Чехов — внесли в искусство свой неповторимый вклад, все они были новаторами. И сейчас, когда мы говорим о новаторстве, мы по существу говорим о большом подлинном искусстве.

Нашу литературу и искусство отличают верность жизненной правде, светлым идеалам коммунизма, своему народу. Мы можем назвать немало имен советских писателей, художников, композиторов, чье творчество высоко ценит наш народ, успехами которых он по праву гордится.

Произведений, достойно отражающих нашу действительность, несомненно, будет с каждым годом все больше.

Коммунистическая партия, ее новая Программа призывают нас, работников искусства, всесторонне развивать свой талант, быть смелыми в творческих исканиях, создавать произведения, разнообразные по форме.

Тем не менее, пока еще на выставках, в литературе, в кино, на сцене еще довольно часто встречаются произведения серые, иллюстративные, мало интересные. В частности, мало удачных работ было у нас на последней республиканской художественной выставке. В чем тут дело?

Мне кажется, у известной части нашей художественной интеллигенции существуют неправильные представления о том, что метод социалистического реализма предопределяет якобы стиливые признаки, их единообразие. Это в корне неверно, и с таким представлением надо бороться.

Социалистический реализм не исключает разнообразия творческих форм, стилей, жанров. Наоборот, он предоставляет нашим художникам свободу для самых смелых творческих поисков новых средств выразительности, новых художественных форм.

Неправильное понимание метода социалистического реализма, как стиливого направления, не позволяет подчас проявиться индивидуальности художника, а без

этого немисливо создание полноценных произведений искусства. Поэтому мне очень хочется пожелать нашим художникам быть более упорными и смелыми в поисках новых форм.

Новаторство, поиски единственной, неповторимой формы для воплощения замысла — процесс, который никогда и никому не дается легко. В этом и заключаются творческие муки, о которых порой говорят в связи с трудом художника. Новаторство может быть только результатом труда огромного, напряженного, порой даже мучительного.

Как известно, наши молодые художники много и охотно экспериментируют в области формы. Но далеко не все поиски их мне кажутся достаточно целенаправленными. Часто ищут по принципу: «авось что-нибудь случайно найдется», и сами толком не знают, что хотели бы найти. А неко-

браться туда, куда нам уже не под силу. Но как часто, к сожалению, молодые люди попусту растрачивают свое время, силы, ищут жизненные наблюдения там, где найти их невозможно.

У таллинских художников большой популярностью пользуется «Кунсти клуби». Знаете, что меня больше всего удручает здесь? Чад от кухни? Дым от папирос? Нет. Черт с ними! Я не могу видеть, как молодые люди просиживают в этом клубе целыми днями. Что полезного они могут здесь почерпнуть? Ровным счетом, ничего.

У читателей может создаться впечатление, что очень много претензий я адресуя молодежи. Нет. Мы, работники искусства старшего поколения, должны сознавать свою ответственность за творческие судьбы молодежи. Наш святой долг направить их поиски по правильному руслу, хорошо го-

бы чего не вышло». Откуда это недоверие к композитору, мастерство которого давно получило всеобщее признание? Неужели смущало то, что форма произведения — необычна, нестандартна?

Но ведь жизнь наша — тоже необычна. И полноценное отражение в искусстве она может получить в произведениях подлинно новаторских. Разве «Патетическая оратория» Свиридова о Ленине на

слова Маяковского обычна по форме? А произведения того же Э. Тамберга, балет-симфония и концерто-гроссо? Разве не новой интересной формой

содержания увлекли они слушателей?

Спору нет: от художников нужно требовать, но им нужно и доверять. Им нужно и помогать. В чем же может выразиться реальная помощь деятелям искусства? Специфика художественного творчества в том, что произведение можно обсуждать только после того, как работа над ним завершена. Но уж когда оно вынесено на суд общественности, художник должен увидеть в своих критиках прежде всего друзей — требовательных, но доброжелательных. К сожалению, иногда (и довольно часто) мы об этом забываем. Глубокий и деловой анализ произведения, который многому мог бы научить автора, порой подменяется крикливыми и маловразумительными сентенциями.

Все эти мысли родились у меня, когда я читал и перечитывал материалы XXII съезда Коммунистической партии, принятой им Программу построения коммунизма. Нас, работников искусства, партия и народ облекли большим доверием. Чем мы можем и обязаны ответить на него? Активными и смелыми поисками новых путей к созданию произведений литературы и искусства, достойных нашей величайшей эпохи и ее героического творца — советского народа!

К. ИРД.
Народный артист
Эстонской ССР.

Творить — значит дерзать

которые из них сводят новаторство к поискам новых эффектов или даже трюков. Именно об этом говорила наша общественность в связи с работой ряда молодых поэтов, композиторов, художников.

Не имеет смысла приводить здесь уже высказывавшиеся справедливые критические суждения. Скажу лишь о том, что подчас наши молодые люди выражают опасение, как бы не стать «эпигонами» передвижников. Мне кажется, что еще больше надо опасаться другого — стать эпигоном разного рода модернистических направлений западного искусства. Мы за то, чтобы идти в искусстве новыми, неизведанными путями. Но новое надо искать не в чуждых нам веяниях. Эпигонство всегда было и будет оставаться прямой противоположностью настоящему творчеству.

Мы должны строго разграничивать такие понятия, как современность и мода. Когда мне приходится слышать, что в сегодняшнем искусстве современны условность и лаконизм, я пожимаю плечами: Говорить так, все равно что утверждать: «Узкие брюки — современны, широкие — несовременны». Речь здесь фактически идет о моде. А, известно, мода никогда не задерживается надолго. И не будет долговечно произведение, созданное по требованиям моды.

На мой взгляд, мнимое, поверхностное новаторство и серость в искусстве имеют общие корни. Такие произведения рождаются, когда у художника нет мыслей, которые волнуют его самого и которыми он хотел бы поделиться со своими современниками. Естественно, что в таком случае не может быть и речи о новаторстве.

Подлинное новаторство — это прежде всего новаторство содержания. И рождается оно из того нового, что мы наблюдаем в жизни, причем не на поверхности ее, а в глубинах души народа. Кому, как не нашей молодежи, нужно стремиться в самую гущу событий, черпать из жизни новые мысли, образы, новое содержание своих картин! Ведь молодой человек по своей природе более подвижный, более гибкий, чем мы, люди старшего поколения. Юноша может за-

говить их к вступлению в самостоятельную жизнь в искусстве.

Стаиславский утверждал: воспитывая актера, нужно прежде всего воспитывать человека. Эта мысль относится к воспитанию творческой молодежи всех профессий в искусстве. А ведь пока еще воспитанию Человека, на мой взгляд, в наших институтах не уделяется должного внимания.

Правда, формально нет оснований утверждать, что программы вузов рассчитаны только на профессиональную подготовку. Здесь преподаются и общественные науки. Но правильно ли, что эти предметы читаются по программе, совершенно одинаковой для будущих специалистов всех профилей и профессий: для композиторов и адвокатов, математиков и художников, актеров и физиков? И правильно ли, что преподавание общественных наук почти не связано с преподаванием наук специальных? Ведь в искусстве с особой остротой стоит вопрос о мировоззрении художника. Здесь форма всегда определяется содержанием. А содержание — мировоззрением. (Мы помним, с какими трудностями в свое время столкнулись художники моего поколения. Когда в жизнь вошло новое социалистическое содержание — пришлось заново учиться мастерству). Так разве можно специальные предметы преподавать в отрыве от общественно-политических наук, а общественно-политические — в отрыве от специальных?!

Наши институты призваны воспитывать в наших художниках идеологов, людей, которые отчетливо понимают, что место художника на фронте идеологической борьбы, на переднем его крае. Да, художник обязан быть Гражданином! Нельзя снижать требовательности к мастерству творческого работника, но народ вправе спрашивать с него и как с Человека, Гражданина. А те, кто ищет менее беспокойной жизни, пусть выберут себе более «мирную» профессию.

Путь в искусство — трудный путь. Ни один художник не работает с «гарантией». Но, признаюсь, я не понимаю тех деятелей искусства, которые пытаются оговорить для себя право на ошибку. Творить — значит дерзать. И если цели, во имя которых художник идет на новаторский риск, благородны, никто не осудит его за ошибку.

С грустью приходится отметить и такое явление: боязнь нового подчас страдают не только те, кто творит, но и те, кто призван всячески поддерживать творческих работников на благородном пути поисков. Подтверждение этому — история подписания договора с композитором Эйно Тамбергом. Его «Оратория лунного света» — одно из первых произведений в эстонской музыке о советских завоевателях космоса — могла бы уже появиться на сцене наших музыкальных театров. Однако Управление по делам искусств Министерства культуры ЭССР пять месяцев сомневалось — «как